

ГЛАВА V.

После окончания вечера дамы удалились, оставив нас с доктором Литом наедине. Он осведомился у меня о моем расположении ко сну, сказав, что, если я захочу, моя постель готова для меня; но если я склонен бодрствовать, ничто не доставит ему большего удовольствия, чем составить мне компанию.

"Я сам сова, - сказал он, - и, не подозревая о лести, могу сказать, что более интересного собеседника, чем вы, трудно себе представить. Определенно, нечасто выпадает шанс побеседовать с человеком девятнадцатого века."

Теперь я весь вечер с некоторым страхом ждал того времени, когда я останусь один, уйдя на ночь. Окруженный этими самыми дружелюбными незнакомцами, воодушевленный и поддержанный их сочувственным интересом, я смог сохранить свое душевное равновесие. Однако даже тогда, в паузах разговора, у меня были проблески, яркие, как вспышки молнии, ужаса перед неизвестностью, с которой я должен был столкнуться, когда я больше не смогу отвлекаться на людей вокруг.

Я знал, что не смогу уснуть в ту ночь, а что касается того, что я лежал без сна и думал, то, я уверен, это не говорит о малодушии. Признаться, что я этого боялся. Когда в ответ на вопрос моего хозяина я откровенно сказал ему об этом, он ответил, что было бы странно, если бы я не чувствовал себя именно так, но что мне не нужно беспокоиться о сне.

Всякий раз, когда я хотел лечь спать, он давал мне дозу, которая гарантировала бы мне крепкий ночной сон в обязательном порядке. На следующее утро, без сомнения, я проснулся бы полностью отдохнувшим.

"Прежде чем я приму это средство, - ответил я, - я должен узнать немного больше о том Бостоне, в который я вернулся. Ты сказал мне, когда мы были на крыше дома, что, хотя с тех пор, как я заснул, прошло всего столетие, оно было отмечено большими изменениями в условиях человечества, чем многие предыдущие тысячелетия.

Видя перед собой город, я вполне мог бы в это поверить, но мне очень любопытно узнать, в чем заключались некоторые изменения. Чтобы с чего-то начать, поскольку тема, несомненно, обширная, какое решение, если таковое имеется, вы нашли для вопроса рабочих? Это было в девятнадцатом веке, и когда я бросил учебу, Сфинкс угрожал поглотить общество, потому что ответа не было. Стоит проспать сто лет, чтобы узнать, каков был правильный ответ, если вы действительно его уже нашли".

"Поскольку в настоящее время не известно такого понятия, как вопрос рабочих, - ответил доктор Лите, - и нет способа, которым он мог бы возникнуть, я полагаю, мы можем утверждать, что решили его. Общество действительно полностью заслуживало бы того, чтобы его сожрали, если бы оно не смогло ответить на столь простую загадку. На самом деле, если говорить по правилам, обществу вообще не было необходимости разгадывать эту загадку. Можно сказать, что она разрешилась сама собой. Решение появилось в результате процесса промышленной эволюции, которая иначе не могла бы закончиться. Все, что нужно было сделать обществу, - это признать эту эволюцию и сотрудничать с ней, когда ее тенденция стала безошибочной".

"Я могу только сказать, - ответил я, - что в то время, когда я заснул, такая эволюция не была распознана".

"Кажется, вы сказали, что это было в 1887 году, когда вы впали в этот сон".

"Да, 30 мая 1887 года".

Мой спутник несколько мгновений задумчиво смотрел на меня. Затем он заметил:

"И вы говорите мне, что даже тогда не было общего признания природы кризиса, к которому приближалось общество? Конечно, я полностью доверяю вашему заявлению. Удивительная слепота ваших современников к знамениям времени - это феномен, отмечаемый многими нашими историками, но немногие факты истории нам труднее осознать, настолько очевидными и безошибочными, когда мы оглядываемся назад, кажутся признаки трансформации, которые, должно быть, также появились на ваших глазах. вот-вот сбудется.

Мне было бы интересно, мистер Уэст, если бы вы дали мне немного более определенное представление о том, какой взгляд вы и люди вашего уровня интеллекта придерживались на состояние и перспективы общества в 1887 году. Вы, по крайней мере, должны были понимать, что широко распространенные промышленные и социальные проблемы и скрытая неудовлетворенность всех классов неравенством в обществе и общей нищетой человечества были предзнаменованиями каких-то великих перемен".

"Мы действительно полностью осознавали это", - ответил я. "Мы чувствовали, что общество не хочет бросить якорь и находится в опасности плыть по течению. Куда его занесет, никто не мог сказать, но все боялись скал."

"Тем не менее, - сказал доктор Лите, - направление течения было совершенно ощутимо, если бы вы только постарались понаблюдать за ним, и оно направлялось не к скалам, а к более глубокому руслу".

"У нас была популярная пословица, - ответил я, - что "оглядываться назад лучше, чем предвидеть", силу которой я теперь, без сомнения, оценю более полно, чем когда-либо. Все, что я могу сказать, это то, что перспектива была такова, что когда я погрузился в тот долгий сон в той ситуации, я бы не удивился, если бы сегодня посмотрел с крыши вашего дома на груды обугленных и поросших мхом руин вместо этого славного города".

Доктор Лите выслушал меня с пристальным вниманием и задумчиво кивнул, когда я закончил говорить.

"То, что вы сказали, - заметил он, - будет расценено как самое ценное подтверждение Сториота, чей рассказ о вашей эпохе, как правило, считался преувеличенным в его картине мрака и смятения человеческих умов. То, что подобный переходный период должен быть полон волнения и ажиотажа, действительно следовало ожидать; но, видя, насколько очевидной была тенденция действующих сил, было естественно полагать, что надежда, а не страх, была бы преобладающим настроением народного сознания".

"Вы еще не сказали мне, каков был ответ на загадку, которую вы нашли", - сказал я. "Мне не терпится узнать, благодаря какому противоречию естественной последовательности мир и процветание, которыми вы сейчас, кажется, наслаждаетесь, могли бы стать результатом эпохи, подобной моей".

"Извините, - ответил мой хозяин, - но вы курите?"

Только когда наши сигары были раскурены и хорошо затянуты, он продолжил.

"Поскольку вы в настроении говорить, а не спать, как, безусловно, и я, возможно, я не могу сделать ничего лучше, чем попытаться дать вам достаточное представление о нашей

современной промышленной системе, чтобы рассеять, по крайней мере, впечатление, что в процессе ее эволюции есть какая-то тайна. Бостонцы вашего времени имели репутацию великих умов которые задавали вопросы, и я собираюсь доказать свое происхождение, задав вам один для начала. Что бы вы назвали наиболее заметной чертой проблем рабочих вашего времени?"

"Ну, забастовки, конечно", - ответил я.

"Совершенно верно; но что сделало забастовки такими грозными?"

"Организации по защите прав рабочих".

"И каков был мотив этих организаций?"

"Рабочие утверждали, что им пришлось организовать, чтобы получить свои права от крупных корпораций", - ответил я.

"В том-то и дело, - сказал доктор Лите. - организация труда и забастовки были просто следствием концентрации большого капитала у малой группы людей, чем когда-либо было известно прежде. До начала этой концентрации, когда торговля и промышленность еще осуществлялись бесчисленными мелкими предприятиями с небольшим капиталом вместо небольшого числа крупных предприятий с огромным капиталом, отдельный рабочий был относительно важен и независим в своих отношениях с работодателем.

Более того, когда небольшого капитала или новой идеи было достаточно, чтобы начать собственное дело, рабочие постоянно становились работодателями, и между этими двумя классами не было четкой границы. Профсоюзы тогда были излишни, и о всеобщих забастовках не могло быть и речи.

Но когда эпоха мелких мануфактур с небольшим капиталом сменилась эпохой крупных скоплений капитала, все это изменилось. Индивидуальный работник, который был относительно важен для мелкого работодателя, был низведен до ничтожества и бессилия по сравнению с крупной корпорацией, и в то же время путь вверх к званию работодателя был для него закрыт. Самооборона подтолкнула его к объединению со своими собратьями.

"Записи того периода показывают, что протест против концентрации капитала был яростным. Люди верили, что это угрожает обществу формой тирании, более отвратительной, чем та, которую оно когда-либо терпело. Они верили, что великие корпорации готовят для них ярмо более низкого рабства, чем когда-либо навязывалось расе, рабство не людям, а бездушным машинам, неспособным ни на какие мотивы, кроме ненасытной жадности.

Оглядываясь назад, мы не можем удивляться их отчаянию, ибо, безусловно, человечество никогда не сталкивалось с судьбой более грязной и отвратительной, чем ожидаемая ими эпоха корпоративной тирании.

"Тем временем, не будучи ни в малейшей степени сдерживаемым протестами против этого, поглощение бизнеса все более крупными монополиями продолжалось. В Соединенных Штатах после начала последней четверти века не было никаких возможностей для индивидуального предпринимательства в какой-либо важной области промышленности, если только оно не подкреплялось крупным капиталом.

В течение последнего десятилетия века те малые предприятия, которые все еще оставались, были быстро разоряющимися пережитками прошлой эпохи или просто паразитировали на

крупных корпорациях, или же существовали в областях, слишком маленьких, чтобы привлечь крупных капиталистов. Малые предприятия, насколько они еще оставались, были низведены до состояния крыс и мышей, живущих в норах и углах и рассчитывающих на то, чтобы избежать внимания ради удовольствия от существования.

Компании прокладывающие железнодорожные пути продолжали объединяться, пока несколько крупных синдикатов не контролировали каждую железную дорогу в стране. На мануфактурах каждый важный продукт контролировался синдикатом. Эти синдикаты, консорциумы, тресты или как там они назывались, устанавливали цены и подавляли всякую конкуренцию, за исключением случаев, когда возникали такие же обширные объединения, как они сами.

Затем последовала борьба, приведшая к еще большей консолидации. Большой городской базар сокрушил своих сельских конкурентов филиалами магазинов, а в самом городе поглотил своих более мелких конкурентов, пока бизнес целого квартала не был сосредоточен под одной крышей, где сотня бывших владельцев магазинов служила клерками. Не имея собственного бизнеса, в который можно было бы вложить свои деньги, мелкий капиталист в то же время, когда он поступил на службу в корпорацию, не нашел для своих денег другого вложения, кроме ее акций и облигаций, став таким образом вдвойне зависимым от нее.

"Тот факт, что отчаянное народное сопротивление консолидации бизнеса в нескольких влиятельных руках не имело никакого эффекта, чтобы остановить это, доказывает, что для этого должна была быть веская экономическая причина. Мелкие капиталисты с их бесчисленными мелкими заботами фактически уступили поле деятельности крупным скоплениям капитала, потому что они принадлежали ко времени мелких вещей и были совершенно некомпетентны к требованиям эпохи пара и телеграфа и гигантского масштаба ее предприятий.

Чтобы восстановить прежний порядок вещей, даже если это было возможно, пришлось бы вернуться ко дню дилижансов. Каким бы деспотичным и невыносимым ни был режим крупных консолидаций капитала, даже его жертвы, проклиная его, были вынуждены признать поразительный рост эффективности, который был достигнут национальной промышленностью, огромную экономию, достигнутую благодаря концентрации управления и единству организации, и признать, что с тех пор, как новая система заняла место старой, богатство мира увеличилось с такой скоростью, о которой раньше и не мечтали.

Конечно, это огромное увеличение пошло главным образом на то, чтобы сделать богатых еще богаче, увеличив разрыв между ними и бедными; но факт оставался фактом: капитал как средство простого производства богатства доказал свою эффективность пропорционально его консолидации. Восстановление старой системы с разделением капитала, если бы это было возможно, действительно могло бы вернуть большее равенство условий, с большим индивидуальным достоинством и свободой, но это было бы ценой всеобщей нищеты и остановки материального прогресса.

"Неужели тогда не было никакого способа воспользоваться услугами могущественного принципа создания богатства консолидированного капитала, не преклоняясь перед плутократией, подобной карфагенской? Как только мужи начали задавать себе эти вопросы, они обнаружили, что ответ для них готов.

Движение к ведению бизнеса все большими и большими скоплениями капитала, тенденция к монополиям, которой так отчаянно и тщетно сопротивлялись, была, наконец, признана в ее истинном значении как процесс, которому нужно было только завершить свою логическую

эволюцию, чтобы открыть золотое будущее для человечество.

"В начале прошлого века эволюция завершилась окончательной консолидацией всей столицы страны. Промышленность и торговля страны, переставшие управляться группой безответственных корпораций и синдикатов частных лиц по их прихоти и ради их прибыли, были переданы единому синдикату, представляющему народ, который должен был действовать в общих интересах ради общей прибыли.

Нация, то есть организованная как одна большая деловая корпорация, в которую были поглощены все остальные корпорации; он стал единственным капиталистом вместо всех других капиталистов, единственным работодателем, окончательной монополией, в которой были поглощены все предыдущие и более мелкие монополии, монополией на прибыль и экономику, которую разделяли все граждане. Эпоха трестов закончилась Великим трестом. Одним словом, народ Соединенных Штатов решил взять на себя ведение собственного бизнеса, точно так же, как за сто с лишним лет до этого он взял на себя руководство своим собственным правительством, организуясь теперь в промышленных целях точно на тех же основаниях, на которых они тогда организовывались в политических целях.

Наконец, как ни странно, в конце мировой истории был осознан очевидный факт, что ни один бизнес не является настолько по сути общественным бизнесом, как промышленность и коммерция, от которых зависит жизнеобеспечение людей, и что доверять управление им частным лицам ради личной выгоды - это безумие, подобное в том же роде, хотя и значительно большем по масштабам, что и передача функций политического управления королям и знати для их личного прославления".

"Такая колоссальная перемена, как вы описываете, - сказал я, - конечно, не произошла без большого кровопролития и ужасных конвульсий".

"Напротив, - ответил доктор Лите, - не было абсолютно никакого насилия. Это изменение было давно предвидено. Общественное мнение полностью созрело для этого, и за этим стояла вся масса народа. Возможности противостоять этому силой было не больше, чем аргументами. С другой стороны, народное отношение к крупным корпорациям и тем, кто отождествлял себя с ними, перестало быть горечью, поскольку они осознали свою необходимость как связующего звена, переходной фазы в эволюции истинной промышленной системы.

Самые яростные враги крупных частных монополий теперь были вынуждены признать, насколько бесценной и незаменимой была их роль в просвещении людей вплоть до того, что они взяли под контроль свой собственный бизнес. Пятьдесят лет назад объединение отраслей промышленности страны под национальным контролем показалось бы самым оптимистичным очень смелым экспериментом. Но с помощью серии наглядных уроков, которые видели и изучали все люди, крупные корпорации научили людей совершенно новому набору идей по этому вопросу.

Они видели, как в течение многих лет синдикаты получали доходы, превышающие доходы штатов, и направляли труд сотен тысяч людей с эффективностью и экономией, недостижимыми в небольших операциях. Было признано аксиомой, что чем крупнее бизнес, тем проще принципы, которые могут быть применены к нему;

Поскольку машина более верна, чем рука, так и система, которая в большом беспокойстве выполняет работу глаза мастера в малом бизнесе, оказывается более точные результаты. Таким образом, благодаря самим корпорациям, когда было предложено, чтобы нация взяла на себя их функции, предложение не подразумевало ничего, что казалось бы невыполнимым даже

робким. Безусловно, это был шаг за пределы всех ранее предпринятых, более широкое обобщение, но сам факт, что нация будет единственной корпорацией в этой области, как было замечено, избавит предприятие от многих трудностей, с которыми боролись частичные монополии".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2687446>